

РУПАСОВ Александр Иванович / RUPASOV Alexander

Санкт-Петербургский институт истории РАН / St. Petersburg Institute of History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

rupasov_ai@mail.ru

РЕЦ. НА КН.: Мейнандер Х. Густав Маннергейм: Аристократ в суконном мундире / Пер. со шв. К. Мурадян. М.: Весь Мир, 2020. 321 с.

REVIEW OF: Henrik Meinander, *Gustav Mannerheim. Aristokrat v sukonnom mundire* (Moscow: Ves' Mir, 2020), 321 p.

Ключевые слова / Keywords: К. Г. Маннергейм, финляндская историография, советско-финляндские отношения / K. G. Mannerheim, Finnish historiography, Soviet-Finnish relations

Хенрик Мейнандер не первый и, можно утверждать, не последний историк, чьё внимание привлекает и будет привлекать личность Карла Густава Эмиля Маннергейма. Причем не какой-то один период в жизни этого человека, а вся его жизнь. Стоит признать, что его книга¹, представленная российскому читателю, оставит у последнего благоприятное впечатление. Она легко читается. Она интересно написана. Портрет Маршала получился не официальный.

Служба в российской армии и откровенно честолюбивое стремление сделать в империи карьеру — хотя бы ради того, чтобы обеспечить себе независимость, бесспорно, сделали из Маннергейма военачальника, способного вышколить полк, бригаду, дивизию, явить своим подчинённым образец смелости и отваги. Однако если бы перечень его достоинств исчерпывался лишь этими качествами, то скорее всего, последующая судьба его сложилась бы иначе, и он, как и многие другие военачальники периода Гражданской войны 1918 г. в Финляндии, ушёл бы в тень.

В отличие от большинства своих соратников в этой войне, не в меньшей степени, чем он сам, полных энергии и готовых идти до победного конца, барон оказался наделённым способностью оценивать не только военные, но и совершенно иные факторы. Он проявил умение находить ниточку, потянув за которую можно было разрешить ту или иную проблему — но только ту, которая стояла на пути достижения его собственных целей. Эта способность проявилась у Маннергейма уже в годы его азиатской экспедиции, в целом сыгравшей значительно бóльшую роль в формировании его личности, чем вся предшествующая служба. Однако можно ли утверждать, что обладание политической властью относилось к числу его целей? Вряд ли. Тщеславие, на которое довольно часто и не без ехидства кивали его недоброжелатели, не заходило у Маннергейма столь далеко, что и позволяло ему иногда поступать так, как никогда не поступили бы ни Свинхувуд, ни Стольберг,

¹ Мейнандер Х. Густав Маннергейм: аристократ в суконном мундире / Пер. со шв. К. Мурадян. М., 2020.

ни Паасикиви, ни Кекконен. Трижды Маннергейму приходилось оказываться в стороне от активного участия в решении государственных дел, однако всякий раз он сохранял в отношении официальных властей лояльность, в рамках которой максимально допустимым для него выражением недовольства политической линией, тем или иным актом исполнительной или законодательной власти, было прохладное отношение к тому или иному государственному и политическому деятелю — не более. Он будет неизменно, но в безупречно вежливой форме отклонять все приглашения первого президента Республики Карла Стольберга, открыто заявит П. Э. Свинхувуду, что в случае переизбрания того президентом он оставит пост председателя Совета обороны. Маннергейм обладал одним из ценнейших качеств для государственного деятеля — терпением. А терпение, как отмечал ещё Вовенарг, есть искусство питать надежду. Быть может, именно некоторая постоянная устремлённость в будущее и позволяла ему не столько свысока, сколько отстранённо взирать на окружающих его исполнителей воли нации. Многим это не нравилось, не многие умели не замечать этого.

Когда в начале 60-х годов в Финляндии обсуждался вопрос об установлении в столице конной статуи Маннергейма, главный редактор *Helsingin sanomat* Ю. Ниинилуото заметил, что вопрос о том, является ли маршал великим человеком или нет, — по сути своей второстепенен. Более важен другой вопрос: сыграл ли Маннергейм большую роль в истории своей родины. Сам Ниинилуото давал на последний вопрос положительный ответ, оспаривать который оснований не имеется. Возможно, мысль главного редактора столичной газеты можно было бы и продолжить, сказав, что в определённой мере не важно даже, что играет большую роль — сами действия человека или же та мифологизированная аура, которая возникает вокруг имени государственного деятеля или политика ещё при его жизни.

Почти с первых же дней независимости Маннергейму суждено было стать объектом бесчисленных оценок. С этим утверждением Мейнандера невозможно не согласиться. Часть из них составила внушительный поток восхвалений его как защитника законного общественного устройства и свободы отчизны, как победителя большевиков, спасшего Север Европы от нашествия варварских орд Востока, но также и как человека, наделённого соответствующим набором нравственных и иных качеств, положенных ему «по статусу». Оценки противоположной стороны в определённом смысле были более колоритны и вращались вокруг «душителя революции», «кровожадного палача», «лахтаря».

Стоит, однако, заметить, что в любых оценках главнокомандующего белой армии так или иначе, но признавалось наличие у Маннергейма тех человеческих качеств, от которых вряд ли кто-нибудь отказался. Речь идет прежде всего о целеустремленности и организаторских талантах, об отсутствии у него склонности к двурушничеству, обычно довольно развитой у многих государственных и политических деятелей. Да, он был тщеславен. И даже не стремился как-то маскировать эту свою слабость. Однако это тщеславие более напоминало

сознательно демонстрируемый каприз умного человека, не только знающего себе цену, но и те рамки, которых следует держаться в соответствии с неписаными правилами. Можно предположить, что иногда показное тщеславие барона служило не столько удовлетворению потребности в почестях, сколько дистанцированию от малопривлекательной и гораздо более, чем сам Маннергейм, алчущей власти шатии политиков, которым подобное внешнее поведение было заказано в силу их статуса «слуг народа». Быть может, удовлетворение маннергеймовского тщеславия было для финских политических кругов своего рода платой за бестактность собственного поведения в отношении «главного пожарника» после выполнения им очередной задачи.

Несмотря на то, что оценки бывшего главнокомандующего белой армией, которые появлялись в печати 1920–1930-х годов, весьма различались друг с другом, они имели и кое-что общее: маршал постепенно утрачивал в них свои человеческие черты. Со временем эта сторона оценочных суждений только усиливалась, и к 1960-м годам Маннергейм предстал своим соотечественникам со страниц книг и газет не просто как национальный герой, а иконизированный идол. В 1962 г. *Ylioppilaslehti* с полным основанием могла писать о том, что «Маршал, защитник наших очагов, мудрый и добрый отец угнетённого народа, полностью утратил человеческие черты. О нём можно говорить только в торжественном тоне, заранее согласованными формулами. Обсуждать его нельзя. Всё хорошо, когда он как человек мертвее мёртвого и жив лишь как безличный идеал». В том же году редактор Арво Сало заметил, что слова «Маннергейм» и «Маршал» являются взаимозаменяемыми синонимами и Маршал (*Marski*) при этом — не человек.

Однако именно в начале 1960-х годов стал пробуждаться интерес к Маннергейму-человеку. Дело тогда далеко не продвинулось из-за возникновения на этом пути ряда препятствий. Одним из них стал подъём студенческого движения в стране, начавшийся по сравнению с Западной Европой с некоторым опозданием. Он проходил столь бурно, как, например, во Франции, но тем не менее поставил в повестку дня вопрос о пересмотре прежних ценностей, которых придерживалось военное поколение: дом, вера, родина, Маннергейм. К тому же, как отмечала например Лаура Колбе, маршал не годился в герои в происходившей при президенте У. К. Кекконене переоценке внешней политики страны, краеугольным камнем которой теперь считались хорошие отношения с восточным соседом. Нельзя забывать и того, что именно Кекконен, четверть столетия находившийся на посту президента Республики, не без помощи пишущей братии стал претендовать на то место в ряду «отцов нации», которое в общественном мнении ранее отводилось Маннергейму. Явная радикализация академических кругов привела к тому, что новую жизнь приобрела та оценка Маннергейма, от которой никогда не отказывались левые. В очередной раз был вынут из запасников термин «классовый враг». Более того, как не без иронии отмечала Лаура Колбе, маршал стал и «капиталистом», так как приобрёл в своё время акции фирмы «Нокia» и из

освободителя превратился в лахтаря, пособника капитала и палача реакции. Лишь в середине 1980-х гг. ситуация несколько изменилась — закончилась эпоха Кекконена. После его кончины в 1986 г. «биржа великих людей» заработала снова. Поднялась очередная волна интереса к маршалу, одним из проявлений которого стали не только многочисленные публикации, но и проведённые в Хельсинкском университете в 1992 г. специальные чтения.

Хенрик Мейнандер уклонился от разъяснения причин избрания им весьма оригинального жанра для своего сочинения, которое не является, по его словам, «научно документированной монографией». Однако прочтение текста не позволяет заметить и следы заявленного им «жанра энциклопедического обзора» (с. 8). Только в малой части это может касаться краткого историографического очерка в конце книги, написанного, правда, с хорошим знанием дела. Не стоит оспаривать утверждение Мейнандера, что для культуры русскоязычных читателей, которым предназначен перевод его сочинения, характерны метафоры и ассоциации (с. 9), но таковых в тексте как-то не видно. Можно ли счесть таковой «аристократ в суконном мундире»? Мундиров из шёлка или ситца видеть (или слышать о таковых) не приходилось. Красиво, но является лишь констатацией действительного положения вещей.

Нельзя утверждать, что у читателя сложится чёткое представление о мировоззрении Маннергейма (если оставить за скобками категорическое неприятие им большевизма и коммунизма), поскольку остаётся неявно сформулированным, что автор книги вкладывает в понятия «правый радикал» и «реакционер» (с. 147) и по какой причине фактически делает тождественными понятия «консерватор» и «реакционер» (с. 148, 156). Также странное впечатление оставляют рассуждения автора об отношении Маннергейма к «решениям демократически избранного и назначенного правительства».

Вполне понятно, что в задачи автора отнюдь не входило обстоятельное знакомство читателя с историей Финляндии и тем более с историей Европы в первой половине XX столетия. Однако можно было бы избежать в некоторых случаях некорректных утверждений в отношении хорошо известных фактов. Нельзя не счесть странным заявление Х. Мейнандера, что «немцы ни при каких условиях не желали нарушить пункты Брест-Литовского мирного договора, иначе Россия могла бы вернуться в лагерь Антанты» (с. 121). Примеров нарушения «пунктов» в действительности было немало. Надевая Рудольфа Холсти едва ли не титулом спасителя большевистской России от планов Маннергейма втянуть Финляндию в конце лета 1919 г. в Гражданскую войну в России, автор забывает, что барона в то время уже не было в стране, а о его обсуждении с датским мультимиллионером Плюмом возможности командования неким интервенционным корпусом в Прибалтике известно в Финляндии не было. (Кстати, в этой связи автору стоило назвать хотя бы одного из единомышленников-стратегов Маннергейма, о которых он пишет.)

Удивление вызывает тот факт, что Мейнандер считает, что Аландской конвенции 1921 г. предшествовало разрешение шведско-финляндского конфликта по вопросу о принадлежности Аландов, хотя точка в этом вопросе была поставлена Лигой наций в 1923 г. О каком советском майском коммюнике 1939 г. по вопросу Стокгольмского протокола (с. 176) идёт речь остаётся неясным. Председательствовавший на заседаниях Совета Лиги наций (22–27 мая 1939 г.) И. М. Майский не поставил этот вопрос на обсуждение. Озадачивает мнение автора, что весной 1940 г. (!) западные державы (за полгода до того объявившие войну Германии) намеревались прекратить действие мирных соглашений с Берлином. При этом Мейнандер подчёркивает: дело заключалось в том, что было неясно, насколько это могло улучшить положение восточноевропейских государств (вероятно, имеются в виду союзники Германии — Словакия, Венгрия, Хорватия, Болгария, Румыния, остальные были оккупированы Германией). Более того, автор даже предполагает, что в этом случае восстановился бы порядок образца 1914 г. (с. 206).

При описании событий 1921 г., связанных с назначением на пост командующего шюцкорами (с. 154–155), было бы уместным кратко упомянуть о том, что шюцкоры обладали определённой автономией от государства. Их расходы государство покрывало частично, хотя и в весьма значительных масштабах, большие суммы денег они собирали сами (в том числе и при помощи лотерей), что, помимо прочего, вынуждало власть учитывать настроения в их среде. Еще 14 февраля 1919 г. правительство Финляндии издало постановление «О шюцкорах», проект которого разрабатывался военным министерством под «присмотром» регента К. Г. Э. Маннергейма. Фактически этот документ закладывал основу для создания постоянно готового к действию и при этом лояльного правительству резерва армии и полиции. Особенно любопытен, однако, четвёртый параграф этого документа. Он гласил: «Шюцкорам предоставлено право приобретать движимое и недвижимое имущество и владеть им, а также получать его по завещанию и в качестве дарения». Таким образом, обеспечение дополнительных гарантий безопасности победившей в Гражданской войне стороне предложено было финансировать ей самой. По отношению к стороне побеждённой это было в какой-то мере даже корректным.

Спорным можно считать утверждение Х. Мейнандера, что «назначение Маннергейма на пост председателя Совета обороны имело целью, прежде всего, удерживать правые силы “Лапуа” в рамках системы обороны» (с. 160). Эта оригинальная мысль едва ли может найти подтверждение в финской историографии. К тому же это утверждение побуждает задать вопрос, кого в Лапуаском движении автор относит к левым? Мейнандер упоминает о финансовой поддержке Лапуаского движения крупными промышленниками в целях эффективного подавления забастовочного движения (с. 157), но забывает, что ещё в начале 1920-х гг. в стране работодателями была создана штрейкбрехерская

организация *Vientirauba* (букв. «Мир на экспорт»). Использование её уже в 1920 г. принесло первый успех — удалось сорвать забастовку портовиков.

Х. Мейнандер отказался в показе отдельных сюжетов в истории Финляндии от тех казуистических упражнений, с помощью которых долгое время в финской историографии, например, подчёркивался т. н. сепаратный характер войны, которую Финляндия вела в 1941–1944 гг. против Советского Союза. Признание того факта, что Финляндия, несмотря на отсутствие договора о военном союзе, фактически оказалась союзником нацистской Германии затянулось на десятилетия. Для Мейнандера является бесспорным, что финны и немцы оказались собратями по оружию, фактическими союзниками. Он намеренно не углубляется в эту болезненную для финнов тему, повествуя о перипетиях в жизни Маршала Финляндии, оставляя рассмотрение этой темы напоследок — в кратком параграфе в конце книги «Политика и история — две стороны одной медали». Читателю будет небезынтересно ознакомиться с содержанием этого параграфа.

Возможно, переводчику следовало обратить внимание автора на желательность корректировки логических построений в отдельных местах в тексте книги. Никким образом не возражая против заявления автора, что Кюёсти Каллио победил на президентских выборах 1937 г. при «фланговой поддержке» социал-демократов, всё же приходится выразить недоумение следующим умозаключением Мейнандера, что Пер Эвинд Свинхувуд проиграл выборы *«несмотря на значительные успехи социал-демократов на двух последних выборах в парламент»* (с. 171). Хотелось бы знать, почему автор считает, что рекомендация Маннергейма финскому правительству пойти осенью 1939 г. на уступки Советскому Союзу для предотвращения военного конфликта вызвала негативную реакцию президента Каллио и премьера Каяндера, так как Маннергейм личным осуществлением передачи островов СССР *«стяжал бы в глазах общественности лавры народного героя»* (с. 179).

В ряде мест текста трудно избежать впечатления, что автор забыл о сказанном им же самим несколькими абзацами выше. В силу этого не непримиримая позиция главы МИД Э. Эркко, а некие сведения о низкой боеспособности финской армии, которые Маннергейм передал в Лондон, информацию о чём заполучили советские шпионы и доложили Сталину, послужили причиной срыва советско-финляндских переговоров осенью 1939 г. *«Из-за этой утечки Маннергейм также несет личную, хотя и косвенную ответственность, за срыв московских переговоров»*, — заключает Мейнандер. Зачем было приписывать косвенную виновность Маннергейму непонятно, так как несколькими строками ниже автор пишет о том, что Эркко грубо прервал Маннергейма, когда на одном из совещаний в правительственном комитете (в каком не ясно) тот выступил с предостережениями о неготовности армии к войне. Сверхоптимизм Эркко и поддерживавшего его главу оборонного ведомства Ю. Ниукканена стал действительной причиной последовавших драматических событий (с. 185–187). Вишенкой на торте к этим умозаключениям служит

убийственный вывод: «Конечно, самая большая доля ответственности возлагалась [кем именно — не указано. — *A. P.*] на президента Каллио и на премьер-министра Каяндера, которые, по мнению правительства [*sic!*], должны были управлять государственным кораблем, но оказались к этому неспособны, и власть перешла в руки к Эркко... Но, разумеется, и на Маннергейма также возлагается часть вины в этом “коротком замыкании” [наплась-таки ещё одна метафора!] в системе безопасности и во внешней политике страны». (С. 188). Зачем в таком случае нужны были страницы, посвящённые деятельности Маннергейма на посту главы Совета обороны?

Хорошо известен факт обсуждения английским правительством возможностей бомбардировок советских нефтепромыслов на Кавказе. Бесспорно, советскую сторону должны были беспокоить эти планы Великобритании. Но можно ли в качестве причины этого беспокойства Москвы считать опасения нанести ущерб германской военной машине (с. 203)?

Нельзя не согласиться с Мейнандером, что по окончании Зимней войны авторитет Маннергейма был необычайно высок. Быть может, хотя бы в нескольких словах следовало упомянуть о том, что за ним были сохранены большие полномочия, обеспечивавшие ему определенную независимость от парламента, ту независимость, на которую не приходилось рассчитывать членам правительства. Это было обусловлено рядом факторов. Среди них одним из важнейших оставалась международная обстановка. Но главное, в отличие от большинства финских политиков, в том числе и членов второго правительства Рюти, авторитет маршала по окончании войны, как и всей армии в целом, был очень высок среди самых различных слоев населения. С точки зрения нации, тяжёлый мир не поставил на них клеймо проигравших. Для политической элиты Финляндии было бы просто непозволительной роскошью не использовать такой ресурс национального доверия. Если В. Линдер точно помнил спустя почти три десятилетия слова президента Каллио о том, что главнокомандование оставили Маннергейму вопреки его воле, то это лишь подчёркивает крайнюю заинтересованность в маршале высших политических кругов, вынудивших президента поступиться своим мнением.

Та же заинтересованность прослеживается и в предпринятой летом 1940 г. очередной реорганизации министерства обороны, предусматривавшей, что командующий оборонительными силами подчинён непосредственно президенту и обладает в военной сфере распорядительной властью, а генеральный штаб является штабом командующего и ему из состава министерства обороны передаётся отдел военной экономики, начальник которого становится заместителем начальника генерального штаба в непосредственном подчинении у Маннергейма. При обсуждении этого проекта в парламенте оппозицию припугнули: если голосование даст отрицательный результат, Маннергейм может уйти. 15 августа законодатели проголосовали за. Теперь в распоряжении маршала были все рычаги управления в военной сфере.

В книге упоминается немалое число людей, с которыми Маннергейму приходилось долгие годы сотрудничать. Было бы вполне уместным иногда давать им краткие характеристики, хотя бы словами самого маршала. Так, Эрика Манделина, одного из тех людей, кто подвиг Маннергейма увлечься делами благотворительности, он в частной беседе охарактеризовал так: «Он большой плут... Остерегайтесь школьного советника Манделина, нейти, он сам дьявол, дайте ему только мизинец — он всю руку отхватит и, наконец, всю девушку... Я отдаю должное многим его хорошим качествам. Он неутомим в работе по защите детей, а также сильно увлечен деятельностью Красного Креста. Ради хорошего дела, ради доброй цели нам нередко приходится соглашаться на сотрудничество и с такими людьми, которых мы не можем одобрить полностью»². И уж точно следовало упомянуть о главном и опасном сопернике на ниве благотворительности — супруге президента Стольберга Эстер Стольберг. «Выходит, весь поток стремятся пустить в русло маленького ручейка, чтобы превратить его в реку и заставить вестись всю проделываемую в стране работу на благо детей от имени одного единственного человека, хотя лично он не сделал для этой работы ничего, кроме как то, чтобы она служила ему пьедесталом, на котором он мог бы стоять. Если его друзья с таким рвением ведут к этому делу, это значит, что в этой стране можно будет заниматься частной работой по защите детей не иначе, как только от имени одного единственного человека», — писала Эстер Стольберг в своем дневнике³.

Отсутствие в ряде мест текста хронологических маркеров затрудняет восприятие повествования (например, с. 116–117).

Некоторые замечания можно высказать в адрес переводчика. Безусловно, Катарина Мурадян весьма хорошо знает шведский язык, хотя стилистика некоторых фраз в тексте смущает (например, «министры социал-демократических взглядов», с. 171). Вместе с тем, учитывая то обстоятельство, что автор при подготовке издания на русском языке поддерживал тесный контакт с переводчиком, желательным было бы в некоторых местах не пренебречь уточнением мысли автора. Тогда читателю не пришлось бы гадать над загадочными фразами о «самых разных версиях его [Маннергейма] приключениях, адекватных его месту в истории Финляндии» (с. 28), о Гражданской войне в Финляндии, ведшейся параллельно и перпендикулярно мировой войне (с. 111), и др. В конце концов, не углубляясь в решение проблемы личности в истории, поинтересоваться: действительно ли дефицит современных и мыслящих управленцев в европейских империях можно рассматривать как причину начала Первой мировой войны (с. 44). И безусловно, переводчику желательно знать некоторые исторические реалии. Маннергейм никогда не имел звания бригадного генерала (с. 85). Антанта — это прежде всего союз Великобритании и Франции, и по этой причине утверждение что в первую неделю мировой войны

² *Könönen E.* Vuosikymmen Mannerheimin sihterinä Suomen Punaisessa Ristissä 1928–1938. Porvoo, Helsinki, 1966. S. 59.

³ *Ståhlberg E.* Ester Ståhlbergin kauniit, katkerat vuodet: Presidentin rouvan päiväkirja 1920–25. Porvoo, Helsinki, 1985. S. 72.

«Антанта, к которой помимо России и Франции подключилась Великобритания» (с. 92), представляет собой нелепицу. Более того, заставляет предположить наличие иных членов этого военно-политического блока, кроме упомянутых. Ю. В. Снельман был членом не Экономического департамента Сената Великого княжества (с. 14), а членом Хозяйственного департамента (что является официальным названием этого института власти). Станным выглядит утверждение Мейнандера, что будущим офицерам (т. е. кадетам Финляндского кадетского корпуса) *разрешали* участвовать в маневрах и парадах. Это было их долгом, обязанностью. Золотое георгиевского оружие «За храбрость» было в годы мировой войны довольно распространённой наградой, что и нивелировало в определённой степени его ценность (в том числе и чисто материальную), более значимой наградой являлось золотое георгиевское оружие с бриллиантами, но такой награды удостоивались только военные, имевшие звание генерал-лейтенанта и выше, Маннергейм получил такое звание уже после падения монархии. Поскольку книга рассчитана на широкий круг читателей, то желательным было бы, например, уточнение, что т. н. мандаринский диалект китайского языка — это северокитайский диалект.

В примечаниях и подписях к фотографиям встречаются неточности: маркиз Александр Вилопольский (с. 89) — в действительности Александр Велопольский. Социал-демократ Рейнхольд Свенто (Свенторжецкий) (с. 95) был вторым министром иностранных дел (первым был Карл Энкель; бюрократический правительственный аппарат в Финляндии в некоторых случаях допускает занятие министерского поста двумя лицами, второй министр обладает меньшей компетенцией). Если уж первую встречу с главой СКК А. А. Ждановым автор относит к 7 октября 1944 г. (она действительно состоялась, в резиденции Маннергейма Жданов провёл два дня), то по какой причине в примечании к этому факту даётся ссылка на статью Людмилы Колодниковой и приводится цитата из сообщения Жданова Сталину и Молотову, откуда следует, что встреча состоялась «сегодня» — 18 января 1945 г. (с. 61)? Август фон Брюк являлся посланником, а не послом Германии в Финляндии. Рудольф Вальден был не военным министром (с. 145 прим.), а министром обороны в 1940–1944 гг., военным министром он был только в 1918–1919 гг. В биографической справке о главе шноцкоров Мальмберге (с. 155) явное несоответствие с приводимой в тексте информацией. В подписи к фотографии Ю. К. Паасикиви допущена ошибка в датировке (с. 181), скорее всего она может быть датирована 31 октября 1939 г. Формально посланник Финляндии в СССР Юрьё-Коскинен оставался в своей должности до 8 апреля 1940 г., но писать в биографическом примечании, что он работал (!) в этой должности во время войны (с. 177) не вполне уместно. В тексте много досадных опечаток. Судя по датам жизни Э. Линкомиеса, он занял пост главы правительства Финляндии пятнадцатилетним (с. 245).

Хенрику Мейнандеру удалось хорошо показать полное осознание Маннергеймом того факта, что все существующие в обществе проблемы в той или

иной степени затрагивают сферу безопасности государства и что даже при наиболее благоприятных внешне- и внутриполитических условиях возможности страны останутся далеко не безграничными. Маннергейм видел, что на протяжении почти двух десятилетий независимости Финляндия, которые предшествовали разразившейся в 1939 г. трагедии, не смогла выработать чёткой внешнеполитической стратегии, что действия её правительств являлись скорее какими-то рефлекторными движениями в ответ на отдельные изменения в международной обстановке. Коротко говоря, он явно считал, что видение политической элитой перспектив если не отсутствует, то определённо странным образом искривлено.

Список литературы

Мейнандер, Х. Густав Маннергейм: аристократ в суконном мундире / Х. Мейнандер ; пер. со шв. К. Мурадян. — Москва : Весь Мир, 2020. — 321 с.

Könönen, E. Vuosikymmen Mannerheimin sihterinä Suomen Punaissessa Ristissä 1928–1938 / E. Könönen. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1966. — 221 s.

Ståhlberg, E. Ester Ståhlbergin kauniit, katkerat vuodet : presidentin rouvan päiväkirja 1920–25 / E. Ståhlberg. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1985. — 343 s.